

Место обитания попугаев Ньютег, район сосредоточенного выращивания потомства, находился совсем рядом с зоной кормёжки; им не нужно было улетать далеко.

Папы Кек и Бру, приземлившись, пересчитали птенцов, убедившись, что никто не потерялся.

Бру, увидев, что маленький Линн поспеваает, с удовлетворением и радостью кивнул.

Он повернулся, сорвал с дерева орех:

— Это орех, который любят мы, большие попугаи. Обычно бывает много видов и форм. Круглые каштаны в этой роще — сорт без колючек... Вам нужно научиться самостоятельно, клювом и лапами, вот так, вскрывать его.

Бру, приподняв орех одной лапой, замедлил движения, чтобы птенцы хорошо рассмотрели — раскрыл клюв, хруст-хруст, вдоль щели скорлупы, в два-три приёма расколлот орех.

— Теперь вы можете начать — ваш первый в жизни настоящий самостоятельный поиск пищи, — ласково сказал папа Бру.

Сказав это, все, по сути, почувствовали голод; папы хитро выбрали время, приведя их всех голодными.

Птенцам, даже если бы они хотели тянуть время, не позволили бы; подгоняемые голодом, они с любопытством и нетерпением принялись за дело.

Им было очень интересно, клювы и лапки не останавливались; они пробовали со всех стороны, царапали листья, рылись в поисках плодов, случайно роняли и снова поднимали.

Линн тоже огляделся, выбрал ближайший орех, сорвал его, пару раз щёлкнул клювом и обнаружил, что скорлупа действительно ещё твёрдая. Пока не получалось.

Он склонил голову, посмотрел — остальные трое птенцов тоже пока не преуспели.

Они беспорядочно грызли скорлупу, орех Сяо Сань даже скатился под дерево.

— Ничего, здесь ещё много, — ободрил Бру. — Не нужно лезть за тем, что под деревом.

Услышав это, Линн повернулся, пару раз укусил свой орех, пытаясь расколоть его.

Он заметил, как Хьюз рядом тоже держал орех одной лапой, и — хруст-хруст — в два-три приёма расколлот скорлупу.

Неужели и здесь талант? Линн был поражён, слегка деморализован, набрался духу и, подражая Сяо И, старательно попытался расколоть орех — хрусть!

Орех раскрылся. Линн в замешательстве подумал — на самом деле это не так уж сложно, не требуется особой силы, нужно просто найти, где открывать. Ядро ореха источало тонкий сладкий аромат; Линн откусил кусочек, ощутил хрустящий вкус — очень вкусно.

Линн сглотнул, удовлетворённо распушив перья.

Действительно очень вкусно.

Птенцы подросли, интерес к грубой зерновой каше постепенно ослабевал.

Теперь аппетит быстро переключился на орехи — их любят все взрослые птицы. Бру и Кек уже ожидали этого, они с удовлетворением наблюдали за этой сценой, согласно кивая.

Кек и Бру с умилением смотрели на своих детей, попутно наставляя их:

— В ближайшие дни, когда вы освоитесь с поеданием орехов, мы сможем различать и другие виды пищи. Например, фрукты, которые можно есть, и...

Под внимательным руководством пап они облетели практически весь лес по кругу.

Включая то, как Линна папы заставляли ловить жирных червей на деревьях; Бру и Кек серьёзно объясняли им:

— Черви — отличный источник белка, и тоже очень вкусные...

К сожалению, Линн к этому не питал никакого интереса; кроме того первого раза, когда его заставили съесть, Линн лишь старался держаться от них как можно дальше.

Кроме того, вкусной еды было много: например, маленькие круглые фрукты разных видов, а также сочные, высоко висящие на ветках большие груши. Но папы останавливали их, говоря, что от таких фруктов попугаев может слабить.

Чаще же они предпочитали низкорослые, похожие на колоски, травянистые злаки, которые можно жевать, а также самые вкусные большие орехи на деревьях.

Это был опыт, накопленный поколениями попугаев-предшественников.

Вскоре наступил этап полусамостоятельности.

Папы больше не следили за ними постоянно, лишь изредка присматривали по очереди с дальних деревьев; кроме того, чтобы лишний раз взглянуть на них, у пап наконец-то появилось больше собственного свободного времени. После тягот воспитания детей освободившиеся Бру и Кек чувствовали себя прекрасно.

Подумав, что больше нечему учить, они постепенно успокоились, позволяя птенцам летать и бегать по окрестностям родовых земель.

Пока они не улетали далеко от территории стаи, папы были спокойны, позволяя им играть где угодно или самостоятельно группами искать пищу. Ведь птенцов этого подросткового возраста уже нельзя было назвать птенцами; правильное обращение к ним теперь — молодые птицы.

Они больше не могли жить в гнезде пап.

Но они могли выбрать себе место для отдыха на ветках неподалёку от прежнего гнезда, что позволяло папам легко отличать своих птенцов.

В дни беззаботной жизни подростки-полуптицы, научившись летать, больше не чувствовали ограничений, и весь их интерес теперь был сосредоточен на играх.

— Пора учиться говорить, — как-то утром с чувством заметили Бру и Кек.

Игры и общение между птицами лучше всего способствуют интересу к изучению языка. Молодые птицы-подростки из разных гнёзд легко собирались вместе, беспорядочно щебеча, перелетая с ветки на ветку, толпами разглядывая друг друга, изредка вступая в перепалки —

то один нечаянно пихнёт другого, то неловко пролетев, наступит кому-то на голову.

В общем, Линну это не очень нравилось.

У этих малышей обычно ни рук, ни ног; если он приближался, то непременно получал пару тычков, даже если те были ненамеренными.

Несколько раз Линн тоже не выдерживал и присоединялся к забавам — он приближался к этой компании на ветке, подростки-попугаи из разных гнёзд щебетали, невнятно покрикивали, выражая возбуждение, игриво подпрыгивали; иногда к ним залетали озорные молодые птицы-взрослые, показывая им акробатические трюки на ветках, хвастливо демонстрируя малышам, какие они крутые.

— Кар-ряя! — Озорной взрослый попугай Ньютег снова подпрыгнул на ветке, сделав трёхсотшестидесятиградусный оборот, с возбуждением наблюдая, как другие птенцы повторяют его движения, а затем с глухим стуком падали с ветки, раздавался треск хлопающих крыльев, они беспорядочно сваливались вниз, а потом снова взлетали на ветку.

Линн, стоявший рядом на раскачивающейся ветке, едва не присоединился к этим прыжкам.

Вот и сейчас Линна снова ударил крылом незнакомый попугай; он, расстроенный, хлопнул крыльями и решил улететь.

Линн размышлял — иногда можно и поучаствовать, но постоянно — он не выдержит... Решил в следующий раз не приходить; Линн не признавался, что просто не любит, когда наступают на крылья.

Вернувшись к дереву с гнездом, Линн оглянулся на шумящих птиц, всё ещё галдящих.

Он повертел головой, осматриваясь, но не нашёл Сяо И Хьюза. Куда он делся?

Вскоре Линн увидел Хьюза — тот как раз вернулся с облёта.

Издалека было видно — чёрные блестящие перья Хьюза хорошо выделялись среди белой стаи попугаев. Да и вокруг почти никто из попугаев не решался к нему приблизиться; некоторые, пролетая мимо, даже намеренно облетали его.

Заметив, что Линн пристально смотрит на него, Хьюз просто хлопнул крыльями и полетел прямо к нему.

Он и правда был красив — эта блестящая переливчатая оперение, крепкий клюв... Линн глубоко позавидовал.

Хьюз уверенно приземлился рядом, почти не покачнувшись.

Линн склонил голову, разглядывая — Хьюз только что приземлился, его чёрный хохолок всё ещё торчал прямо, выглядело это... невероятно круто.

Задумавшись, Линн вдруг подумал — а он сам, как и остальные белые попугаи, наверное, тоже красив? Ему стало любопытно, как он выглядит.

Если честно, он никогда не видел собственного лица.

А Хьюз стоял рядом, склонив голову набок. Линн попытался с запинкой сказать:

— Ты... ты не пойдёшь играть?

Целое чёткое предложение, Линн обрадовался.

Услышав речь Линна, Хьюз на мгновение замер, затем открыл клюв, чтобы ответить:

— Они... не любят меня.

Линн осторожно склонил голову. Хьюз был довольно спокоен. Линн утешил его:

— Я тебя люблю.

Он немного не знал, как выразиться, но серьёзно добавил:

— Спасибо.

После его слов настроение Хьюза, кажется, немного улучшилось, и он чуть приблизился к Линну.

<http://bllate.org/book/15502/1395702>